

Сигизмунд КРЖИЖАНОВСКИЙ

БОГ УМЕР

I

Случилось то, что когда-то, чуть ли не в XIX столетии, {{было предсказано одним осмеянным философом}}: _умер Бог_.

В ангельских сонмах уже давно затлело и разгоралось предчувствие недоброго. И в сомкнутом круге серафимов давно шептали, роняя шептание в шелесты крыл, о неизбежном. Но никто не смел взглянуть, пустота зародилась и ширилась, черной ползучей каверной, там, где был Он, развернувший пространства, бросивший в бездны горсти звёзд и планет. Ничто холодило воскрылья, оперённые груди, ползало на беззвучно ступающих чёрных лапах по эллиптическим и круговидным орбитам миров, -- но никто не смел взглянуть.

Был херувим, именем Азазиил.

-- Хочу видеть, -- промолвил он.

-- Погибнешь, -- зашептали вокруг.

-- Как может погубить погибший? -- отвечал Азазиил, и, распахнув крылья, глянул.

И раздался вопль Азазиилов: умер Бог! умер Бог!

Ангелы повернули лики к середине средин и узрели там зияющее чёрною ямою Ничто.

-- Умер... Умер Ветхий Днями, -- пронеслось от сонмов к сонмам, от звезды к звезде, из земель в земли. А херувим Азазиил развёрстными зеницами вбирал даль: ничего не менялось. Бог умер -- и ничего не менялось. Миги кружили вокруг мигов. Всё было, как было. Ни единый луч не дрогнул у звёзд. Ни одна орбита не разорвала своего эллипса.

И слёзы задрожали в прекрасных очах Азазиила.

II

Томас Грэхем, шлёпая туфлями, подошёл к книжному шкафу. Потянув за его стеклянную дверцу, он ясно видел, как по скользкой поверхности дверцы поползло и скрылось хорошо знакомое старое бритое морщинистое лицо с чуть прищуренными глазами; за отползшим вбок отражением блестели цветными корешками -- книги. Мистер Грэхем повёл глазами по переплётам и не нашёл. Помнил ясно: зелёный, невысокий корешок, с золотой строкой, опрокинутой на свою начальную букву: θ .

В рассеянности, потрогал пальцами шероховатые переплёт у двух-трёх книг: нужный корешок не зазеленел ниоткуда. Доктор Грэхем досадливо потёр ногтем большого пальца переносицу: где бы ему быть.

Доктор Грэхем, престарелый и заслуженный профессор Лондонской Высшей Школы по кафедре "Истории религиозных предрассудков", был большим чудаком и любил, особенно в минуты недоумения и досады, старинную вышедшую из людских обиходов фразеологию, поэтому-то он, проведя ещё раз пальцами по корешкам, пробурчал:

-- "Бог знает", куда она девалась.

Но Бог не знал, куда девалась книга мистера Грэхема: даже этого. Он был мёртв.

III

Мистер Брудж, сидя перед фотометром в круглом малом павильоне Ъ 3-а